

**Проблемы изучения русской и зарубежной литературы:
Сборник научных статей. Вып. 3. –
Таганрог, 2002. – С. 56-61**

***МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В РАССКАЗЕ
А.П. ЧЕХОВА «АРИАДНА»***

Е.С. ШИШКО

В настоящее время сосуществует большое количество литературоведческих, культурологических и философских концепций пространства. Эту философско-эстетическую категорию рассматривали М. Хайдеггер, О. Шпенглер, М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, В.Н. Топоров, КХМ. Лотман и др. В частности, Ю.М. Лотман утверждает: "в художественной модели мира "пространство" подчас метафорически принимает на себя выражение совсем не пространственных отношений в моделирующей структуре мира", "художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений" (1, 252, 253).

Основываясь на идеях Ю.М. Лотмана, можно попытаться выявить специфику художественного пространства в рассказе А.П. Чехова "Ариадна" (1895).

В чеховедении этому произведению уделяют намного меньше внимания, чем, например, повестям "Палата №6", "Черный монах", "Моя жизнь", созданным также в 90-е гг.

В заглавие рассказа вынесено экзотическое, обращающее на себя внимание женское имя. Как правило, Чехов необычно называл мужчин. В рассказах 90-х гг. женские персонажи именуются обыденно: Анна ("Анна на шее"), Ольга ("Попрыгунья"), Маша и Варя ("Учитель словесности").

Имя «Ариадна» соотносит чеховскую героиню не только с ее прототипом, таганрогской красавицей Ариадной Черец, но и с мифологической дочерью критского царя Миноса и Пасифаи. В своем творчестве писатель неоднократно обращался к образам языческой и христианской мифологии (Диана, Одиссей, Эдип, Агамемнон, Ной, Авраам, Исаак и др.).

Аллюзивное заглавие обуславливает эмоционально-смысловое развертывание всего художественного пространства рассказа.

Американский исследователь Томас Виннер первым заметил, что в основе рассказа "Ариадна" лежит миф о дочери критского царя и афинском герое Тесее (2, 205).

Однако в данном произведении в организации художественного, мифологического, пространства определенную роль играют также сказания о Минотавре, сиренах, прорицателе Тиресии, Нарциссе (3).

Томас Виннер считает, что рассказ Чехова сопрягается с тем вариантом мифа, в котором Ариадна и Тесей, победивший Минотавра, плыли на корабле в Афины. В пути Тесей приказал оставить спящую Ариадну на острове Наксосе. Покинутая Тесеем, она стала женой бога вина и веселья Диониса. Виннер сравнивал Тесея и Диониса с героями чеховского рассказа Лубковым и Шамохиным.

Что же соединяет чеховское произведение с античными мифами?

Прежде всего, три главных персонажа (Ариадна, Тесей, Дионис - Ариадна, Шамохин, Лубков) и две основные сюжетные линии: Ариадна - Тесей, Ариадна - Дионис и Ариадна - Шамохин, Ариадна - Лубков. У Чехова Ариадна и Шамохин путешествуют на пароходе из Одессы в Севастополь, в предании древних греков Ариадна и Тесей плывут на корабле с Крита в Афины.

Одновременно в чеховском произведении угадывается аллюзия на другой вариант мифа, в котором Дионис похищает спутницу Тесея (Лубков увозит Ариадну в Италию, оставляя Шамохи-на в отчаянии).

Имя героини "актуализирует любовный сюжет мифа, из которого Ариадна входит в культурный контекст как символ покинутой верной возлюбленной. Общекультурное значение имени Ариадна традиционно воспринимается как "верная жена" (в трактовке Л.И. Успенского)" (4, 65). Однако Чехов часто пародировал известные образы, ситуации. В связи с этим К.И. Чуковский замечает: "Диалектика образов, их превращение в свою противоположность, в свой, так сказать, "антитезис" - один из любимейших творческих методов Чехова". (2, 130).

Пародирование имеет место и в данном произведении. Если в мифе Тесею покинул Ариадну, то в рассказе она оставляет Шамохина и уезжает с Лубковым. Следовательно, эпитет "верная" к чеховской героине не подходит, посредством аллюзивной иронии создается образ-перевертыш, часто встречающийся в творчестве Чехова.

Шамохина поразило редкое и красивое имя - Ариадна: «Оно так шло к ней!»(5, 110). Портрет героини может быть соотнесен с живописными и скульптурными изображениями античной Ариадны, которые Чехов мог видеть, так как, путешествуя по Италии, он посещал многие картинные галереи. "Это была брюнетка, очень худая, очень тонкая, гибкая, стройная, чрезвычайно грациозная" (5, 110).

Главная черта характера Ариадны - ее поразительные самовлюбленность и тщеславие. Здесь чувствуется реминисценция Нарцисса, который тоже был красив и любил только себя, за что боги превратили его в цветок. К данной мифологической ситуации отсылают слова Ариадны: "Если вы не перестанете надоедать мне вашими поучениями, то я сейчас же раздеюсь и голая лягу вот на эти цветы!" (5, 127,128).

Миф и рассказ сближает и такой ситуативный аспект: Ариадна любила бои быков. У критской царевны был сводный брат, сын Пасифаи, Минотавр - наполовину человек, наполовину бык. Ариадна помогла Тесею победить это чудовище. Поединок между Тесеем и Минотавром можно считать за корриду, бой быков.

Создавая психологический портрет Ариадны, Чехов выделяет ее удивительный голос; возникающая аллюзия на "сладко-певучий" голос сирены - "еще одна экспликация "морского мифа" об Одиссее. Сирена - это знак гибельности, обманчивости красоты (4, 102). Для Шамохина, как и для Одиссея, голос сирены опасен, он завораживает: "Голос Ариадны, ее шаги, шляпка и даже отпечатки ее ног на песчаном берегу... вызывали во мне радость, страстную жажду жизни" (5, 110). Упоминание песчаного берега не случайно. Как известно, сирены жили на песчаном острове, кроме того, на таком же песчаном берегу Тесею оставил спящую Ариадну.

Шамохин поддался чарам голоса Ариадны и, подобно морякам, погибшим на острове сирен, погружается в омут, из которого трудно выбраться: он ослеплен любовью.

События развиваются. Вводится новый персонаж - Лубков, "заурядный, неинтересный пошляк" (5, 123). Возникают ассоциации с Дионисом, похитившим дочь Миноса.

На первый взгляд кажется, что нет ничего общего между античным богом Дионисом и Лубковым, которого Чехов описывает скорее как сатира: "среднего роста, тощенький, плешивый, лицо, как у доброго буржуа, не интересное, бледное, с жесткими холеными усами, на шее гусиная кожа с пупырышками, большой кадык" (5, 113). Снова рождается образ-перевертыш. Параллель Дионис - Лубков появляется на следующей основе: Дионис – бог вина и веселья; Лубков «был всегда весел» и «веселил всех вокруг», постоянно затевал пикники с шампанским (вино, сделанное из винограда). Дионис был покровителем виноградарства и виноделия. Диониса повсюду сопровождали вакханки, и Лубков любил общество женщин.

Образ данного персонажа "сделан" в традициях народной комедии. Фамилия Лубков выполняет характерологическую функцию: это лубочный кавалер лубочной картинки.

Ариадна уезжает с Лубковым в Италию. Узнав об этом, Иван Ильич "почувствовал в груди боль, как будто положили туда трехугольный камень"(5, 116).

Чехов несколько раз употребляет это сравнение. Вероятно, его смысл можно истолковать так: в каждом человеке сидит и глубоко прячется свой Минотавр- ревность. Влюбившись в Ариадну, Шамохин оказался в лабиринте, впереди у него опасный поединок с этим

чудовищем. Но чеховский персонаж по своей натуре пассивен. Так пародируется бесстрашный афинский герой Тесея.

Сблизившись с Ариадной после того, как ее покинул Лубков, Иван Ильич понял, что она по-прежнему не любит его. Однако он безвольно подчиняется капризам любимой женщины и терпит от нее постоянное унижение. Он все глубже спускается в темный запутанный лабиринт, превращается в заурядного обывателя, перестает чувствовать красоту природы и искусства, тысячами тратит деньги отца на "массу ненужных, ничтожных вещей". Но приходит время, и чеховский персонаж прозревает, для него становится очевидной необходимость "поединка с Минотавром".

А.П. Чехов перед своим путешествием на Сахалин писал: "Надо себя дрессировать!", т.е. воспитывать себя, предъявлять к себе почти непосильные моральные требования и строго следить за тем, чтобы они выполнялись. Другими словами, работая над собой, искореняя свои отрицательные качества, человек борется с Минотавром, наносит ему смертельные раны.

В какой-то мере Иван Ильич осознает все это. Он пытается очистить свою душу ношением: ("...мало ел и бросил пить".)

В конце концов Шамохин надоел Ариадне. Мечты о собственном салоне, князьях и посланниках не дают ей покоя, и она подает чеховскому "Тесею" "нить", которая выведет его из лабиринта.

Н.В. Живолупова говорит о том, что такой мотив мифа, как "Ариаднина нить", "не получает собственного сюжетного развертывания в рассказе Чехова", и добавляет, что он "может быть усмотрен в сюжетных взаимоотношениях четверых героев, духовная зависимость которых друг от друга обусловлена любовью" к женщине, живущей вдали от них, за границей. "Шамохин, его отец, брат Ариадны и князь Мактуев", давно влюбленный в нее. «собираются зимними вечерами для того, чтобы поговорить об Ариадне».

По мнению Н.В. Живолуповой, "нить Ариадны" трансформируется в мотив «связующей нити» (4, 67).

Между тем, в рассказе мотив "нити" можно интерпретировать несколько иначе.

Князь Мактуев давно мечтает жениться на Ариадне, тем самым он призван помочь Шамохину выбраться на свободу из лабиринта. И в мифе, и в рассказе именно Ариадна помогает герою. Но если в первом случае она прямо подает Тесею клубок нитей, то у Чехова она делает это опосредованно, так как в первую очередь старается ради себя, собственной выгоды - князь богат и может обеспечить ей жизнь в том высшем обществе, о котором она всегда мечтала.

Существует еще несколько скреп между мифом и рассказом Чехова. Необычная внешность брата чеховской героини: он "был какой-то кволий, точно сделанный из пареной репы" (5, 110), т. е. бледный, рыхлый - наводит на мысль, будто он вышел из подземелья, где нет ни солнечного света, ни свежего воздуха, и позволяет сопоставить Котловича с Минотавром. И подобно тому, как Минотавр был враждебен Тесею, так и брат Ариадны вызывает неприязнь у Ивана Ильича: "...но не лежит у меня душа к этим господам, которые беседуют с духами и лечат баб магнетизмом" (5,110),

Котлович и князь Мактуев постоянно вызывают дух деда Иллариона, и тот несколько раз предсказывает своему внуку женитьбу на Ариадне. Эта ситуация вызывает в памяти образ фиванского предсказателя Тиресия (3).

Следовательно, мифологическое пространство, создаваемое аллюзиями, реминисценциями и основанное на контрастном сопоставлении эмоционально-смыслового содержания образов, мотивов, коллизий мифа и чеховского рассказа, создает глубинную перспективу как содержательной структуры повествования в целом, так и образов основных персонажей, способствует формированию особой тональности произведения, а именно, организует его ироничный эмоциональный план, слабо заметный на текстовом уровне рассказа.

Так Чехов устанавливает творческий контакт с читателем: «Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие элементы он подбавит сам» (П., 4, 54),

чем предвосхищает одну из основных тенденций искусства XX века, которая нашла свое выражение в творчестве Дж. Джойса, Э. Хемингуэя, У. Фолкнера и др.

Примечания

- 1 Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988
- 2 См.: Чуковский К. И. О Чехове. – М., 1967
- 3 См.: Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. М., 1992.
- 4 Живолупова Н.В. Сюжетная метафора в рассказе А.П. Чехова «Ариадна» // Творчество Чехова (Поэтика, истоки, влияние) Таганрог, 2000.
- 5 Чехов А.П. ПСС в 30-ти тт. М., 1974-1982 Соч., т.9.